

— Хватит! — прорычал Янь Кэ.

Хлёткий порыв ветра, сорвавшийся с его ладони, с грохотом разнёс в щепки стену прямо за спиной Линь Цзюэ. Не мешкая, Янь Кэ подхватил оцепеневшего Чжао Сюэханя, закинул его на плечо и смерил соперника ледяным взглядом.

— Раз ты так считаешь, мы уйдём, — глухо бросил он. — Немедленно покинем этот город и пальцем не пошевелим ради здешних дел.

— Немедленно покинете? — Линь Цзюэ презрительно фыркнул. — У нашего Демонического владыки ведь такое обострённое чувство справедливости, да и догадаться, чьих рук это дело, он уже сумел. Если он трусливо сбежит, неужели не будет изводить себя мыслями изо дня в день? Почему бы не остаться и не сотворить для горожан доброе дело? Вычислить кукловода и прикончить его прямо здесь — разве не лучший выход?

Янь Кэ пропустил издёвку мимо ушей и шагнул прочь. Линь Цзюэ помрачнел. Он сделал едва заметное движение пальцем — и подол одежд Янь Кэ словно налился неподъёмной свинцовой тяжестью в тысячу цзиней. Резкий толчок заставил его содрогнуться. Янь Кэ рухнул на одно колено, но рук так и не разжал, бережно удерживая Чжао Сюэханя.

— Я велел вам идти за мной не для того, чтобы вы малодушно сбежали перед самым боем, — тихо произнёс Линь Цзюэ и вдруг коротко рассмеялся: — Да и с чего вы взяли, что теперь вас кто-то отпустит?

Договорить он не успел: со стороны жилых покоев донёсся испуганный вскрик. На пороге показались отец и мать Линя. Сжимая в руках винные чарки, они с глубокой тревогой всматривались в застывшую во дворе тройцу.

— Линь Цзюэ! — Мать Линя бросила взгляд на разрушенную стену и сердито запричитала: — Что здесь происходит? Как можно затевать ссору с гостями в такой день?

Тяжесть, сковавшая Янь Кэ, внезапно рассеялась. Он поднялся, опустил Чжао Сюэханя на землю и решительно заслонил его собой.

Линь Цзюэ промолчал, лишь мрачно сощурился на женщину.

Заметив его грозный вид, мать Линя рассердилась ещё сильнее.

— Линь Цзюэ! — прикрикнула она, делая шаг навстречу сыну, явно намереваясь схватить его за руку и проучить как следует. — А ну говори, что стряслось!

— Ну полно тебе, полно, — отец Линя, держа в одной руке кувшин с вином, удержал супругу за плечо. — Праздник ведь, к чему сердиться?

Он поставил кувшин на каменный стол посреди двора, наполнил чарку и протянул её сыну.

— Давай, сынок. Позволь отцу поднести чарку нашему бессмертному мастеру. — Затем он приветливо махнул рукой Янь Кэ и Чжао Сюэханю: — И вы, гости дорогие, выпейте с нами.

Линь Цзюэ безэмоционально окинул родителей ледяным взглядом. Не говоря ни слова, он резко вскинул руку — и два тонких луча света полоснули воздух, устремляясь прямо к шеям супругов.

В то же мгновение серой тенью метнулся силуэт. Раздался тихий металлический звон, и две тонкие железные пластины со стуком отскочили на брусчатку.

Вэнь Тяньдун, встав преградой перед родителями Линя, опустил обнажённый клинок. Ему удалось отразить смертоносный выпад.

— Линь Цзюэ, остановись, — негромко произнёс он, возвращая меч в ножны. — Сейчас они обычные мирные жители. Твоя расправа не останется безнаказанной.

Линь Цзюэ слегка прищурился, а затем тихо, зловеще усмехнулся.

— И пусть ловят, — он вскинул брови. — Я буду только рад!

С этими словами он грубо оттолкнул стоявшего на пути Вэнь Тяньдуна. Из его пальцев вновь сорвались две холодные вспышки. Брызнула багровая кровь. Родители Линя не успели издать ни звука — их головы покатались по земле.

— Линь Цзюэ! — встревоженно выкрикнул Вэнь Тяньдун.

Лицо убийцы даже не дрогнуло.

— Всё зашло слишком далеко, назад дороги нет, — равнодушно обронил Линь Цзюэ.

Он сделал несколько шагов вперёд и настежь распахнул тяжёлые ворота поместья Линей.

За порогом, теснясь друг к другу, стояла безмолвная толпа. Мужчины, женщины, глубокие старики и совсем юные лица — все они застыли без движения, словно бездушные куклы. Их стеклянные, лишённые жизни глаза неотрывно буравили двор поместья, уставившись на Линь Цзюэ.

— Видишь? — Линь Цзюэ полуобернулся и бросил Янь Кэ едкую улыбку. — Вы-то, может, и хотите уйти, да только вас никто не отпустит.

Договорить он не успел. Выхватив из-за пояса меч, он одним слитным движением снёс голову первому попавшемуся под руку человеку.

Тёплая кровь брызнула на стоящих рядом людей, но толпа даже не шелохнулась. Они продолжали безучастно смотреть на Линь Цзюэ.

Огласив двор издевательским смехом, Линь Цзюэ ворвался в гущу людей и принялся неистово разить их клинком. Перед воротами разверзлась кровавая баня. Не раздавалось ни криков, ни стонов — лишь глухой, влажный треск разрываемой плоти да тяжёлые шлепки падающих тел.

У Чжао Сюэханя кружилась голова, а в груди нестерпимо жгло, точно внутренности пожирал ядовитый огонь. Глаза пронзила резкая боль. Он поднял взгляд: весь мир вокруг окрасился в багровые тона, будто пламя, бушевавшее внутри, выплеснулось наружу.

Кровь четы Линей хлестала из разрубленных шей, заливая каменные плиты и подступая к подошвам его сапог. Чжао Сюэхань тупо смотрел на обезглавленные тела. Отсечённые головы замерли с мирными лицами, но вдруг их зрачки подёрнулись чернотой, а из глазниц хлынула кровь.

К горлу подкатил тяжёлый, удушливый ком. Чжао Сюэхань судорожно зажал рот ладонью, но не сумел сдержать рвотный позыв. Сквозь пальцы потекла густая, вязкая алая жижа.

Нет, это была не кровь.

Чжао Сюэхань растерянно уставился на свои ладони. Вырвавшаяся наружу багровая субстанция мгновенно застыла на холодном воздухе плотной коркой, облепив кожу, точно красный воск.

Вдруг лежащие на земле головы слабо вздрогнули. Чжао Сюэхань испуганно присмотрелся внимательнее. Отец и мать Линя, опираясь руками о землю, медленно поднимались на ноги, буднично водружая головы обратно на плечи. Их глаза выглядели совершенно нормально — кровавые слёзы оказались лишь плодом его измученного разума.

Вспыхнули две ослепительные молнии, и чета Линей вновь рухнула наземь.

Толпящиеся за воротами мертвецы падали и поднимались снова, словно не ведая ни усталости, ни самой смерти. Они перешли в наступление. Какая-то девица, только что рассечённая мечом Линь Цзюэ, поднялась на ноги и попыталась вонзить обрубок собственной руки ему в спину. Но яркая радужная вспышка отбросила её обратно на землю.

Вэнь Тяньдун, удерживая клинок в руке, погасил сияние меча. Лицо его становилось всё мрачнее. Он поспешно отвязал от пояса ножны и швырнул их Янь Кэ.

— Отдай мне свои ножны, — бросил он Янь Кэ.

Тот мгновенно подобрался:

— Господин Вэнь...

— Это безумие, — перебил его Вэнь Тяньдун, понизив голос. — Стой на месте. Если ситуация выйдет из-под контроля, хватай Сюэханя и беги. Если нас схватят, твоё происхождение не должно раскрыться.

Янь Кэ колебался мгновение, но спорить не стал и протянул свои ножны. Вэнь Тяньдун торопливо закрепил их на поясе и шагнул в сторону Линь Цзюэ. Однако не успел он даже замахнуться, как с неба со свистом сорвались две бумажные полоски. Две духовные фу влетели во двор и, прошив ладони Линь Цзюэ, намертво пригвоздили его к стене.

Линь Цзюэ истошно закричал. Кровь хлынула из ран, мгновенно заливая исписанную тушью бумагу, но как бы неистово он ни дёргался, руки словно срослись с кирпичной кладкой.

— Кто посмел чинить подобное беззаконие? — громовой, суровый голос раскатился по улице.
— Кто дерзнул среди бела дня резать мирный люд?

Едва прозвучали эти слова, как копошащиеся на земле мертвецы, собиравшиеся вновь подняться, мгновенно обмякли и замерли, притворившись давно истлевшими трупами. В воздухе завис приторный, удушливый запах тлена и крови. Двор и мостовая были усеяны кусками мёртвой плоти. Те же из горожан, кому посчастливилось уцелеть под яростными ударами Линь Цзюэ, словно очнулись от долгого наваждения. Оцепенение сошло с их лиц, уступив место первобытному ужасу. Оглашая окрестности дикими воплями, они бросились врассып.

Распятый на стене Линь Цзюэ, чьё хрупкое тело было сплошь залито кровью, уставился на показавшуюся в конце улицы фигуру. На его бледных губах заиграла безумная, зловещая улыбка, сделавшая его похожим на выходца из преисподней.

Толпа окончательно рассеялась, уступая дорогу нескольким заклинателям в жёлтых одеждах, осторожно шагавшим по залитой кровью брусчатке. Шедший впереди мужчина отличался высоким ростом, худобой и впалыми щеками, а его суровый взгляд не сулил ничего хорошего. Он хмуро оглядел истерзанного Линь Цзюэ, а затем перевёл тяжёлый взор на стоящую во дворе троицу.

— Что здесь произошло? — резко спросил он.

В повисшем молчании вперёд выступил Вэнь Тяньдун.

— Почтенный, — он почтительно сложил ладони в приветствии. — У случившегося есть скрытые причины. Всё не так, как кажется на первый взгляд. Этот заклинатель...

Тихий сухой кашель Линь Цзюэ оборвал объяснения. Он приподнял голову и с издёвкой уставился на прибывшего.

— Старейшина Юань из Школы Чистых Облаков, — прохрипел Линь Цзюэ. — Неужто не признали старого знакомого?

Лицо старейшины Юаня потемнело:

— Ты...

— Я — Линь Цзюэ, адепт Школы Первозданной Истины, — с усмешкой отозвался тот. — Десять лет назад на Союзном собрании я имел честь предстать перед вами и моим досточтимым учителем. Вы тогда ещё изволили похвалить мой скромный талант.

— Из Школы Первозданной Истины? — Старейшина Юань нахмурился, оглядывая усеянную телами мостовую.

Сопровождавшие его заклинатели тут же зашептались за спиной наставника.

— Я желаю видеть главу своей школы, — Линь Цзюэ мотнул головой, стряхивая с чёлки налипшие сгустки крови. — Не сочтите за труд передать ему мою просьбу, старейшина Юань.

— Не смей! — резко изменившись в лице, попытался пресечь его Вэнь Тяньдун, но из переулка уже донёсся звучный голос:

— Отчего же не сметь?

Вэнь Тяньдун мгновенно побледнел. Чжао Сюэхань повернул голову на звук. У ворот поместья Чжо застыли глава клана Фэн и Цяо Лун в окружении адептов Школы Первозданной Истины. Все они с предельно строгим видом созерцали развернувшуюся перед ними картину.

— Учитель, глава клана, — Линь Цзюэ перевёл на них взгляд. В его голосе не было ни капли почтения — лишь привычная язвительность, словно пробившие ладони фу были не более чем досадной мелочью. — Знай я, что вы ещё не покинули гору, не стал бы устраивать весь этот балаган.

Глава клана Фэн сделал несколько шагов вперёд, скользнул взглядом по багровым лужам и остановился на лице распятого пленника.

— Объяснись, — негромко потребовал он, переводя взор то на Линь Цзюэ, то на стоявшего рядом Цяо Луна.

Старейшина Юань выступил вперёд, сохраняя строгое величие.

— Глава клана Фэн, — веско произнёс он. — Адепт вашей школы безжалостно вырезал мирных жителей. Дело принимает скверный оборот. Я обязан немедленно доложить об этом главе нашей школы.

Он сделал паузу, а затем добавил:

— Поскольку этот Линь больше не числится среди наших сторонников, мы не вправе вершить над ним суд. Предоставляю главе клана Фэн разобраться в случившемся и вынести справедливый приговор. — Юань бросил на собеседника многозначительный взгляд. — Если в Школе Первозданной Истины объявится ещё один демонический практик, это бросит тень на всех нас.

Выражение лица Фэн Юаньсина осталось бесстрастным.

— Благодарю за бдительность, старейшина Юань, — спокойно ответил он. — Однако мой ученик Линь Цзюэ давно погиб в Долине Чистых Хребтов, и его жетон истинной судьбы безвозвратно угас. Прежде чем делать выводы о том, кто скрывается под этой личиной, я бы советовал не торопиться с обвинениями.

Линь Цзюэ издевательски хмыкнул.

— Глава клана, неужто вы отрекаетесь от собственного ученика? — протянул он. — Как же это ранит мне сердце.

Глава Фэн едва заметно нахмурился.

— Первородный дух Линь Цзюэ развеялся, а тело его упокоилось в Долине Чистых Хребтов. Мои люди лично засвидетельствовали его гибель.

— Ваши люди? — расхохотался Линь Цзюэ. — Кто, кроме моего наставника Цяо Луна, подтвердил вам мою кончину? Обстоятельства моей смерти были более чем странными, а тела никто так и не нашёл. И вы так легко поверили ему на слово, глава клана?

— Линь Цзюэ, — Цяо Лун, подвергшийся столь прямому обвинению, сохранил абсолютное

спокойствие. Голос его звучал ровно и мягко: — Пусть ты всегда отличался излишней вспыльчивостью, но приличия и правила соблюдать умел, да и заботу мою помнил. Будь ты моим истинным учеником, у тебя бы язык не повернулся сказать подобное.

— Ну разумеется, — огрызнулся Линь Цзюэ. — Раз уж я не Линь Цзюэ в ваших глазах, так прикончите меня прямо сейчас. К чему весь этот пустой трёп?

Глава клана Фэн покачал головой и вновь повернулся к старейшине Юаню.

— Последние события требуют тщательного расследования. Через несколько дней я намеревался встретиться с главой клана Ляном, дабы обсудить всё у него. Загадочная кончина Линь Цзюэ — лишь одно звено в этой цепи. Теперь же, когда кто-то завладел его телом, связь становится очевидной. Я должен забрать его в Школу Первозданной Истины для дознания. Лишать его жизни сейчас было бы непростительной глупостью.

Он выдержал паузу и продолжил:

— Если у Школы Чистых Облаков есть сомнения, мы можем временно запереть его в темницах горы Хуаньту и завтра провести совместный допрос.

Однако старейшина Юань отрицательно покачал головой.

— Собрание Встречи Зимы только завершилось, у нашего главы сейчас слишком много забот, и вряд ли он найдёт время для встречи с вами, глава Фэн. Я верю, что Школа Первозданной Истины не станет покрывать преступника, посему мы полностью передаём этого человека в ваши руки.

— Он мне не ученик, — нахмурившись, холодно отрезал Цяо Лун.

Старейшина Юань проигнорировал его слова. Он сделал лёгкий жест рукой, и сковавшие ладони Линь Цзюэ талисманы рассыпались пеплом.

— В таком случае — прощайте, — Юань коротко поклонился присутствующим и увёл своих адептов.

Цяо Лун извлёк путы для связывания бессмертных, накрепко опутал ими Линь Цзюэ и поволок за собой.

Вэнь Тяньдун стоял мрачнее тучи, стиснув зубы. Чжао Сюэхань перевёл взгляд на багровые лужи под ногами. Тяжёлое предчувствие мёртвой хваткой сжало его грудь.

Эти великие праведники видели лишь бесчинства Линь Цзюэ, но так и не поняли главного: те,

кого он убивал, уже давно были мертвы.

Собрание закончилось, заклинатели расходятся. Когда теперь хоть одна живая душа из бессмертных орденов ступит на эту землю? Через сколько лет?

Неужели городу Хуай суждено безмолвно гнить, задыхаясь от полчищ живых трупов, пока правда окончательно не скроется во тьме?

«Сил кот наплакал, труслив, а всё туда же — мнит себя умником и пытается вершить справедливость», — ядовитые слова Линь Цзюэ до сих пор набатом стучали в ушах.

И ведь он был чертовски прав.

Чжао Сюэхань стиснул зубы так, что заболели челюсти, и до боли сжал пальцами подол своих одежд.

«Нужно попробовать ещё раз. Только один последний раз».

<http://bllate.org/book/19675/2002882>